

и он является как бы нашим сотрудником, как Данилевский, Хомяков и т. д.

Вопрос об отношении к Федоровству постановлено отложить до того заседания ЕА семинара, которое будет посвящено сборнику «Вселенское дело».

К. А. Ч. изложил свое понимание Федорова в особой записке, приложенной к этому протоколу. Она должна служить материалом для прений и на упомянутом собрании ЕА семинария. <...>

ИЗ ПРОТОКОЛА ЕВРАЗИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ

(Прага, июль 1934)

ВОПРОС О ДАЛЬНЕЙШЕМ РАЗВИТИИ ТЕОРИИ ИДЕОКРАТИИ

К. А. Ч. — Этот вопрос я связываю с вопросом о федоровстве.

Как из подробностей одного астрологического мифа в первые времена христианства возникла легенда, что христиане поклоняются ослиной голове, так же возникла легенда о химическом воскрешении в Федоровском учении. Федоров говорил материалисту, чтоб он этим занялся¹, с этого все и пошло.

Христианство — постижение непостижимого, истина постижима и непостижима. Истина христианства — соборная истина, всякое откровение содержит частицу истины, поскольку она не закреплена соборами. Этика Федорова — христианская этика: она не противоречит догме. Согласно учению Федорова, призвание человека — быть сотрудником Бога на земле. Человек — сын человеческий, он не равен Богу, он содеятель и соратник Бога. Это соответствует концепции Соловьева: человек высшее творение, так как ему дано понятие совершенства. Что должен делать человек? Он должен стремиться приблизиться к совершенству. В разработке идеократии тоже необходима проблема совершенной идеократии. Проблема совершенной идеократии является одной из основных концепций Федорова (намечена она и у митрополита Антония Храповицкого²). Его концепция общества — неразъединимое и неслиянное. Человек создан для вечной жизни. Отсюда идея воскрешения, овладение химией, техникой. Этот вопрос тесно связан и с концепцией Спекторского («Христианство и культура»): Христианство должно овладеть процессом техники³. Не отрицаю, что в учении Федорова есть и спорные элементы.

Я делаю следующий вывод: евразийцы сказали первое слово об идеократии, не зная Федорова, а Федоров разрабатывал эту проблему раньше. На этом основании я предлагаю совещанию установить, что по мере нашего развития мы встретились с Федоровым

ЗАПИСКА К. А. Ч. О ФИЛОСОФИИ Н. Ф. ФЕДОРОВА

Всякий раз, когда среди современных христиан (даже искренних и «просвещенных») заходит речь о Федорове и его учении, эти христиане отмахиваются от того и другого, говоря: «Какой вздор — химическое воскрешение мертвых. О, чепуха» и т. д. Уже само по себе такое отношение к несомненно великому религиозному мыслителю (учителю В. С. Соловьева, сотруднику в духе Ф. М. Достоевского и неборимому противнику Л. Толстого, не говоря о десятках выдающихся последователей*) ставит под сомнение христианство таких христиан. Ведь именно фарисеи кричали: «Что доброго может быть из Назарета»⁴ — аргумент не веский и «слишком человеческий». Нежелание вникнуть в предмет обнаруживает косность и леность сознания — свойства, столь противоречащие призыву Спасителя: «бодрствуйте». Заочное осуждение Федорова и глумление над ним невольно напоминает невежественные слухи о ранних христианах, распространенные в языческом обществе. Известно, какую роковую роль в судьбе первоисповедников христианства сыграли «ослиная голова» и «кровь младенцев». Язычники уверяли, будто христиане поклонялись ослиной голове и пили кровь младенцев. Подобные воззрения могли возникнуть лишь у людей, «слышавших звон». Современная история объяснила, что именно побудило язычников повторять вздор об ослах и младенцах: изображением яслей и скота христиане символизировали

Вифлеем; а слух о крови младенца — это карикатура на таинство причащения кровью Пречистого Агнца. — Так и некоторые современники выдергивают из Федорова «химическое воскрешение» и весьма довольны собой, поглумившись над «такой глупостью»... Говорит ли Федоров где-либо о химическом воскрешении? Да, говорит. Но где, по какому поводу и к кому обращаясь? — Федоров, адресуясь к ограниченными материалистам, поворачивает против них их соб-

* В. А. Кожевников, Н. П. Петерсон, Н. А. Сетницкий, Вал. Муравьев.

ственный тезис и понуждает их к расширению материалистических воззрений. «Если, — пишет Федоров, — если правда, что человек машина и больше ничего; и если правда, что вы, материалисты, ревнуете о благе человека, — то постарайтесь найти способы восстановить, собрать машину, когда она рассыпалась»⁵. В приведенных сейчас словах заключено самое сильное оружие против материализма, при этом — оружие, взятое из рук этого учения. В самом деле. Если материалисты серьезно говорят о своем стремлении к благу человека и человечества и если ясно, что высшее благо — жизнь (причем, как учит христианство, совершенная, т. е. бессмертная, вечная блаженная жизнь), то не логично ли предложить материалистам строить такую жизнь, хотя бы и исходя из воззрения, что человек — машина и больше ничего? «Идите в лабораторию (если вся истина в лаборатории) и ищите средств создания вечной блаженной жизни для всех и со всеми» — вот что говорит им Федоров. Согласимся, что здесь главное не «химия» как таковая, а устремленность самих «химиков». Можно ли возражать против внушения такой устремленности? Но, разумеется, сердцевина федоровского учения не в этом эпизоде с материалистами. Федоров (как это показано на многих тысячах страниц им лично и его последователями) не «химик», не «материалист», а «спиритуалист» и христианин. Центр его сочинений — учение о пресв. Троице. В русской религиозно-философской литературе мы знаем лишь двух авторов, посвятивших свои умозрения этому высокому образу: митр. Антоний («Нравств<енная> идея [догмата] Пресв<ятой> Троицы») и Федоров. Федоров, действительно, делает переворот в понимании христианства и христианских догматов. Но переворот этот не в химии, а в учении *проективизма*. Он утверждает, что истинный смысл христианских догматов в том, что они — система *заповедей*, они призыв и указание путей реализации призыва. Он сближает и связывает небо и землю, Бога и человека и учит о Богочеловечестве в полном согласии с наиболее высокими традициями Православной мысли. Федоров категорически возражает против разделенности Бога и человека, вытекающей из раздельного понимания «божеского» и «человеческого». Ведь явлением Бога Сына, Его вочеловечением установлена неразрывная связь между Богом и людьми. Созданный (через боговдохновение) Образ пресв. Троицы — это не «абстрактное» представление, а величайший закон действия. Человечество должно усиливаться к тому, чтобы устроить (организовать) свою жизнь по образу и подобию пресв. Троицы. Для Федорова (как и для всех христиан) фраза о *образе и подобии* не пустая фраза, а наоборот — обязывающее откровение и неизбежная заповедь делания. По Федорову — пресв. Троица есть нераздельный и неслиянный союз совершенных Личностей. Этот божественный Союз

раскрыт человечеству не на «поглядение», а на уподобление: сущность проективизма (в данном случае) состоит в утверждении, что *человечество должно принять Образ пресв. Троицы за образец собственного своего устройства*.

Не трудно видеть, что в этой федоровской концепции заключена основная идея Православия — идея соборности, где сняты противоречия между «всеми» и «одним», где дается *проект* сожития членов общества: семейного, народного и многонародного. Очень странно слышать возражения лиц, называющих себя христианами, против пункта о причастности человеческого божескому и обратно. Ведь в сопряжении Бого-человеческого — весь пафос нашей веры. И когда «христиане» в припадке льстивого самоунижения начинают обличать себя в немощах и грехах — им надо напомнить обещание Учителя: «Все сие сотворите, что Я сотворил, и *больше* сего будете творить»⁶. В этих обличениях себя есть маловерие, трусость и не-воля к совершенству. Но есть ли здесь христианство? — сомнительно. — С другой стороны, надо раз навсегда отвести упрек, направленный против Федорова, состоящий в указании на его титанизм. В «Пасхальных вопросах» Федоров с полной ясностью говорит о человеке как *орудии божественного разума*, который (через веру, любовь и творчество) становится разумом Вселенной (Ф. О. Д., т. I, стр. 399). Разумеется, Федоров говорит о всеобъемлющей любви: к мертвым, живым и будущим поколениям.

Все эти, т<ак> ск<азать>, теоретические рассуждения имеют прямое отношение к нашей современности. Наша современность построена таким образом, что человечеству приходится выбирать между дальнейшим развитием с Христом или без Христа. Ни от кого не скрыто, что техническое развитие человечества (благодаря ошибкам христианского вероучения) пошло по вне-христианскому пути. Уже давно сказана фраза, что «мы можем обойтись без гипотезы Бога». — Но вопрос: *какого* Бога? — Если под Богом понимать вне-мировую Силу или Существо, однажды сотворившую мир и оставившую его на прихоть стихий, то, разумеется, есть такой Бог или нет — довольно безразлично. Но если Бог «всяческая во всем», если Бог всюду и всегда, то как же с техникой? Федоров не отделяет технику от иных произведений человека, орудия Бога. Он учит, каким образом надо владеть техникой, в какую сторону направлять ее развитие... В свое время В. С. Соловьев признал, что человек есть действительный венец создания и другой, высшей формы создания не требуется, ибо ему (человеку) доступно прозрение совершенства и ему даны неограниченные средства к достижению совершенства («Смысл искусства»)⁷. В понимании искусства (*синтез всевозможных умений человечества*) как главного орудия *усовершенствования* жизни человечества и *спасения* и *обожения* его — сходятся все главные мыслители Православия.

Заслуга Федорова в том, что он систематизировал эту мысль, сделал ее наглядной и, т<ак> ск<азать>, «современной». Известное положение христианства «Бог вочеловечился, чтобы мы обожились»⁸ Федоров наполнил действенным содержанием, присовокупив требование долга и совести. Вот почему мы с необходимостью должны признать за Федоровым, с одной стороны, качество учителя Православия (при этом наиболее близкого нам по духу и времени), и с другой — качество организатора нашего сознания, нашей действительности. Организация материи, организация духа, организация Космоса — это все идеи, волнующие самый воздух, которым мы дышим. Евразийство постоянно подчеркивает свою организационную роль, свое организационное призвание. Я не вижу причин отказываться от изучения такого великого нашего предшественника, каким является Федоров. — Наоборот, он и его ученики создали грандиозную систему, представляющую собою современное толкование христианства, такое толкование, которое способно затронуть и мистика, и материалиста, и ученого, и техника, т. е. каждую душу; недаром же говорится, что каждая душа — христианка.

